«Русская мысль» — Париж. — 1998. — 24-30 дек. — с.15

Евгений Кисин в Театре Елисейских полей

Евгений Кисин.

10 декабря в Театре Елисейских Полей состоялся долгожданный сольный концерт Евгения Кисина, организованный парижским агентством "Productions Internationales Albert Sarfati". В переполненном зале царила атмосфера восхищения редкостным талантом 27-летнего русского пианиста, который, несмотря на свой возраст, поражает слушателей не только глубиной, но и мудростью прочтения музыкальных произведений.

Для парижского концерта он подготовил новую программу. В первом отделении прозвучали 24 прелюдии Шопена (опус 28). Большинство из них композитор написал в период пламенной любви к Жорж Санд, когда они впервые оказались вместе на Майорке зимой 1838-1839 г. Отдельные миниатюры этого романтического сочинения пианисты довольно часто исполняют на бис, однако весь опус теперь звучит в концертах довольно редко, что, видимо, связано с трудностями поиска его современной интерпретации. Кисин же, казалось, наперекор традициям нашел свой оригинальный подход в исполнении опуса. Его интерпретация поразила слушателей обилием ярких красок и ювелирных нюансов. В порывистых взлетах и драматургических кульминациях ощущалась богатырская сила и воля музыканта, а в хрупких, трогательных и задушевных пассажах — сердечность и благородство, мягкость и теплота Анны Павловны Кантор — педагога, вырастившего пианиста.

Во втором отделении парижского концерта прозвучала знаменитая соната Листа си минор. Композитор написал ее в честь "музыки будущего" и посвятил Шуману. Уникальное в творчестве Листа сочинение считается "монументом" фортепьянного репертуара. Это сочинение Кисин исполнил достойно величия его легендарного автора, но проявил меньше фантазии и пылкости, чем при интерпретации шопеновских прелюдий.

Из четырех исполненных на бис пьес особый восторг публики вызвали Второй этюд Листа и сочинения Шопена — Вальс №1 (опус 69) и "Революционный" этюд N12 (опус 10).

...Человеческая память не вечна. В дискографии музыканта, который уже многие годы сотрудничает с фирмой "BMG", есть ряд замечательных дисков, среди которых — записи с Лондонским филармоническим оркестром: Фортепьянные концерты Бетховена №2 и №5 (дир. Дж. Левайн); Фортепьянные концерты Рахманинова №2 и №3 (дир. В.Гергиев и С.Одзава). Достойно обогатить эту коллекцию могла бы и запись оригинального прочтения Кисиным шопеновских прелюдий.

ВИКТОР ИГНАТОВ

Париж

Русская мысль. — Париж. — 1998. — 24-30 дек. — с.15

На арене — «русское чудо»

По франко-германской программе ARTE (5-й канал французского телевидения) недавно была показана часовая программа — концерт, который сыграл в Лондоне, в королевском Альберт-холле русский пианист Евгений Кисин. Это был даже не столько концерт, сколько "бисы" — произведения, исполненные после концерта "на бис". Нарушая привычные нормы, овации длились целый час. Пианист бесконечно возвращался на середину огромного, совершенно круглого зала и раскланивался на все стороны, а потом снова и снова играл. Сам он признавался потом: "Шесть тысяч мест, настоящий цирк, акустика, как в холле вокзала! Я попросил, чтобы рояль поставили в центр зала, туда, где наибольшая концентрация публики. Зал полон — это очень хорошо слышно. Я редко бывал до такой степени счастлив..."

"Никакие овации его не смущали, — писал затем известный французский музыкальный критик Жиль Макасар. — Он воспринимал их как механическое приветствие. Он — настоящее русское чудо — полностью владел собой и сохранял свой невозмутимо-загадочный вид. Какое потрясающее звучание рояля, какое интенсивное и певучее звукоизвлечение без какой бы то ни было манерности и аффектации!"

Последние концерты Кисина в Большом зале Московской консерватории, в Альберт-холле и, наконец, в Театре Елисейских полей находятся в одном русле. Они свидетельствуют о серьезных изменениях творческого почерка артиста. Со свойственным ему максимализмом и самоотдачей Кисин идет сейчас по пути виртуозного, напористого интерпретирования, ставя скоростные и силовые рекорды. Даже в романтических миниатюрах Шуберта, Шопена и Листа он подтверждает эту не свойственную ему ранее тенденцию.

Не ставя перед собой задачу рецензирования перечисленных концертов, тем не менее хотелось бы определить направление нового этапа развития уникального дарования. Час "бисов" Евгения Кисина сказал о многих процессах, происходящих в творческой лаборатории молодого исполнителя. Сам выбор произведений стал своего рода демонстрацией: Бетховен "Турецкий марш", опус 114; Шопен "Блестящий вальс" As-dur, Паганини—Лист "Кампанелла", Бетховен "Рондо и каприччиозо" G-dur. Даже романтический "Музыкальный момент" Шуберта f-moll был представлен в основательной технической переработке Леопольда Годовского. При перечислении я сохраняю тот самый порядок, который был на концерте. Одна за другой следовали предельно виртуозные пьесы. Быстрые темпы, острые штрихи (стаккато, сфорцандо, акценты), подчеркнутые диссонансы, наступательная, почти агрессивная манера — вот новый Кисин. Излишне говорить, что технические трудности он преодолевает шутя (как, впрочем, почти все выпускники Гнесинской школы), что колокольчики "Кампанеллы" звонки и точны, пассажи стремительны, а двойные терции получались, "как простая гамма".

Сохранилось ли в игре Кисина что-то от русской школы с ее задушевным звуком, певучим легато и широким дыханием (может быть, и в новом прочтении — все-таки конец XX века)? Зарубежные критики утверждают, что он несомненный продукт нашей, русской школы. Мы же начиная с 90-х годов стали замечать черты, чуждые как прежнему Кисину, так и основным параметрам русской школы в ее рахманиновском направлении. На мой взгляд, два измерения заслуживают упоминания. В игре Кисина появилось не просто подчеркивание полифонии, а использование любой возможности для выявления многоголосия, часто за счет разрушения основной мелодической линии. Фугато бетховенского "Рондо" превращается у Кисина в фугу, а в шопеновском "Вальсе" он находит многоголосие там, где до сих пор о нем никто не подозревал. Выявление подголосков, элементов противосложения становится для пианиста почти самоцелью. Стараясь придать им различные тембры, инструментовать, он пытается компенсировать ограниченность своей палитры, ее "черно-белое" измерение.

Но, как ни странно, "оркестровка" фортепьянной партитуры не снижает ощущения механистичности в его игре. Эпатажная исполнительская манера очень мало напоминает нам прежнего Женю Кисина. Нельзя забывать, что его артистическая карьера началась очень рано и длится уже более 20 лет. За это время он создал и утвердил свой поэтический стиль, противоположный доминирующему спортивному стилю советской школы. Что же теперь происходит с этим музыкантом? Опасности перехода от детства к зрелости самостоятельного художника, грозящие каждому вундеркинду, обострились для него с переездом на Запад. Может быть, его сегодняшний стиль — некий декоративный занавес, за которым он прячет, пытаясь уберечь от временных эмигрантских превратностей судьбы, свой чувствительный и ранимый внутренний мир поэта? Искусственно раздутый ажиотаж вокруг его имени заставляет его беспрерывно "гнать продукцию". Он внутри индустрии шоу-бизнеса, законы которого не оставляют ему возможности для постепенной адаптации.

Особенность биографии Евгения Кисина в том, что он получил несколько "оранжерейное" воспитание, с детства и по сей день находясь под одним и тем же влиянием. Его педагог по школе Гнесиных Анна Павловна Кантор перешла преподавать в Музыкальную академию имени Гнесиных только для того, чтобы Женя после окончания школы продолжал учиться у нее, а затем последовала за ним на Запад. Хорошо помню, что сразу после окончания десятилетки имени Гнесиных Женя мечтал позаниматься с каким-нибудь крупным музыкантом из Московской консерватории — Воскресенским, Наседкиным, Наумовым, — чтобы расширить свои знания и поискать какие-то новые направления в своем исполнительстве. Но судьбе было угодно совсем иное...

Пришла повестка из военкомата: музыканту с уже мировой известностью было предписано пройти обязательную службу в армии. Кисин не вернулся в Москву, а остался на Западе, где был в это время на гастролях. В Великобритании от имени королевы ему было предложено гражданство. Женя согласился его принять только при условии, что гражданство одновременно с ним получат и все пять членов его семьи, а также А.П.Кантор. Только в 1997 г. вопрос о воинской повинности музыканта в России был снят с повестки дня специальным правительственным постановлением после присуждения премии "Триумф". Кисин получил возможность приезжать в Россию на гастроли.

...Когда маленький Женя Кисин выходил на сцену Большого зала Московской консерватории, играя соло и с оркестрами, создавалось впечатление, что он выполняет какую-то очень важную миссию, настолько он был не по летам сосредоточен и отстранен от публики. Очевидно, что не каскадами блестящих пассажей, не ранней раскрепощенной артистичностью выделялся юный пианист среди многих своих тоже очень и очень талантливых сверстников. В нем с первых же звучавших нот обнаруживалась тончайшая, трепетная поэтичность, которая затрагивала у публики самые сокровенные струны и приводила ее в состояние потрясения. Все в нем было совершенно, ничего слишком — полная гармония прекрасного.

Все, включая профессоров Московской консерватории, признали за ним право идти своим путем. И действительно, никогда не участвуя в международных конкурсах, даже не сдавая экзаменов, он сделал международную карьеру. Удивительно, что на родине самого крупного международного музыкального соревнования — конкурса Чайковского, открывшего миру Вэна Клайберна, Джона Огдена, Владимира Ашкенази, Владимира Крайнева и Михаила Плетнева, никто никогда не предлагал Евгению Кисину принять в нем участие. Почему? Опасались за его хрупкое здоровье? Учитывали его особый психологический строй? Скорей всего другое. С его приходом в высокое исполнительство, минуя всевозможные игры и спекуляции, возникла надежда на некое очищение. Видели в нем противовес официальным распределителям мест на мировой артистической арене, которые действовали чуть ли не от имени государства. После него и другие талантливые исполнители могли пытаться идти нестандартным путем в искусстве.

Приехав в Россию на гастроли, Евгений Кисин признавался, что внимательно вглядывался в лица друзей и даже прохожих, пытаясь найти ту искренность и эмоциональную открытость, которых ему так не хватает на Западе и которые питали его до отъезда. По-видимому, он переживает некоторый творческий кризис.

Ференц Лист, услышав однажды великого Паганини, решил на два года уйти в монастырь, чтобы там в тишине осмыслить свое предназначение в искусстве. Результаты этого эксперимента известны — они были весьма плодотворны для мирового музыкального процесса. Лист открыл для себя новую духовность, которой не изменил до конца жизни как пианист и композитор. Может быть, занимайся Кисин сочинением музыки, он ушел бы на некоторое время в сторону от индустрии музыкального бизнеса. Но это невозможно — он гладиатор, он на арене, и публика неистовствует...

Техницизм пианиста можно воспринимать как форму протеста. Кисин играет на одной струне своего дарования, как Паганини — на одной струне своей скрипки. В том и другом случае декларирование "Я — виртуоз" может быть истолковано как сопротивление беззастенчивой эксплуатации.

...Когда в конце концерта "на бис" Евгений Кисин вдруг сыграл две пьесы Шопена, неожиданно повеяло детством пианиста, удивительной музыкальной духовностью. Невольно вспомнилось, как 16 лет назад он еще маленьким мальчиком сыграл ту же самую "Мазурку" опус 67 и "Вальс" ре минор специально для немногих слушателей, которые случайно во время его репетиции оказались в зале школы Гнесиных. Хорошо известные пьесы прозвучали так просто и неожиданно, как будто маленький кудрявый мальчик снял некую паутину или накипь с известнейших произведений и заглянул в самую таинственную суть прекрасного — так необыкновенно звучала каждая нота... Кто-то плакал, а один известный музыкант сказал: "Зачем же плакать, если нам посчастливилось присутствовать при моменте абсолютной гармонии, может быть, при рождении гения... Одно совершенно очевидно: после этого мальчика можно сыграть только... громче".

Евгений Кисин — не просто пианист, он — творец, отмеченный волшебной одухотворенностью. Он создатель своего поэтического мира. Он слышит особую музыку внутри себя. Сейчас надо бы не торопить время, а приостановить его. Он успеет всё сыграть, сделать все записи, удовлетворить жажду публики видеть и слышать его, если внутри него самого восстановится гармония.

ВИКТОРИЯ ГАНЧИКОВА

Париж